

Ольга Егошина

Куда же несешься ты, птица-тройка?

«Ревизор» Гоголя в последние годы стал самым репертуарным названием Москвы, численностью постановок обойдя даже стаю чеховских «Чаяк».

«Ревизор» без единого слова в Театре им. М.Н. Ермоловой. «Ревизор» в шестнадцати зонгах Музыкально-драматического театра «А-Я» для детей и взрослых. «Ревизор» для «школьников и их родителей» в Русском духовном театре «Глас». «Ревизор», где все действующие лица одновременно музыкальные инструменты, – в Московском областном театре юного зрителя. Есть «Ревизор. 1835», поставленный по первым, широкой публике неизвестным редакциям комедии Гоголя. «Ревизор» в Театре на Юго-Западе. «Ревизор» в Московском молодежном театре под руководством Вячеслава Спесивцева. Гомерически смешной «Ревизор» московского театра Олега Табакова, где Городничий – Владимир Машков примеряет белый императорский мундир, а его жена-Яна Сексте выплывает в бриллиантовом кокошнике стиля *à la Russe*. Фантасмагорический «Ревизор. Версия», поставленный Робертом Стуруа в «Et cetera», где Хлестаков – Александр Калягин выезжает в инвалидном кресле-каталке.

«Сатирикон» выбрал сочинение Михаила Дурненкова на темы пьесы Гоголя и пригласил на постановку Юрия Бутусова. Спектакль получил название «Р». Интересно понять, почему именно эта классическая пьеса стала тем «свет-мой-зеркальце скажи, да всю правду доложи», в котором каждый режиссер-постановщик хочет разглядеть лица своих современников? Почему всякий раз оказывается «нашего времени случаем» история самозванца, принятого всеми за важное лицо? Почему город, откуда три года скачи, ни до какого царства не доскачешь, так удивительно похож на место нашего обитания?

Юрий Бутусов вместе со сценографом Максимом Обрезковым создал свой образ заколдованного города N. Сцена «Планеты КВН» распахнута во всю длину. На авансцене разложены корявые доски. Не то забор упал, не то вот такой «гуляющий тротуар» положили, чтобы не утонуть в грязи по уши. В глубине за деревянным настилом поблескивает гравий, ожидает, когда сверху положат новенький асфальт или модную плитку. Темную глубину загораживают зеркала. Вдоль зеркальной анфилады накроют стол для дорогого гостя Ивана Александровича, расставят блюда и бокалы. А потом на авансцене будут оглашать бесконечное меню, где сменяются бесконечные борщи и солянки, севрюга и поросята, апероль и шампанское, игры и танцы, музыка всех народов мира...

Поверх гравия расстелют гигантский ковер. Потом его же перестелют поверх досок. Ковер огромный, старый. «У меня в детстве был такой же!» – вздохнет Иван Александрович Константина Райкина.



К. Райкин – Иван Александрович, Т. Трибунцев – Антон Антонович. «Р».
Фото А. Иванишина

И расскажет о злой няньке-татарке, которая строго запрещала будить ее по ночам. А дом огромный, туалет далеко. Вот и приходилось маленькому мальчику тихо-тихо ходить из угла в угол и писать понемногу то там, то тут, чтобы луж не оставалось. Ковер впитывал хорошо! Хорошие ковры делали!

Истории про ковер у Гоголя, понятно, нет, как нет и других историй, исповедей, споров и т. д., написанных (или взятых из соцсетей) Михаилом Дурненковым. Нет истории щеночка, которого первоклассники забили кусками льда. Сомнамбулический Осип – Артем Осипов до сих пор мучается и смотрит в зал тоскливым оком: он-то участвовал в экзекуции или только наблюдал? Нет у классика рассказа интеллигентного умницы Антона Антоновича – Тимофея Трибунцева о том, как задышалась от ковида его мать, и «Скорая» все не ехала, а когда добралась, то не хотела брать, а потом дважды роняла больную по дороге. Нет у Гоголя душераздирающего признания статной красавицы Марьи Антоновны – Марьяны Спивак, что она – одна из жертв длинного списка *MeToo*#. Нет и рассказа ее нервной и стервозной маменьки, тоже на свой лад душераздирающего. Хозяйка города Анна Андреевна – Алена Разживина за бешеные евро купила рояль «Стейнвей», пригласила всемирноизвестного музыканта, заплатив ему столько, что руки сами над клавишами полетели. Собрала весь городской бомонд (плюс



«Р». Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

жену Ляпкина-Тяпкина) на благотворительный концерт. Но посреди выступления педаль у рояля оторвалась, и бородатая фигура местного бомжеватого настройщика поползла по-пластунски ее прилаживать. И стало понятно, что город N никогда Европой не будет... Да и жена Ляпкина-Тяпкина ухмыльнулась как-то ехидно...

Михаил Дурненков сочиняет пьесу на манер строителей Средних веков, которые легко разбирали старые храмы и использовали их колонны, капители, блоки для украшения и укрепления своих домов, сараев, заборов. Практика, конечно, варварская, но эффективная. К чести нынешних драматургов надо заметить, что после «операции по использованию ценного наследия» от храма оставались только воспоминания. А пьеса Гоголя, хоть и пережила тысячи переписываний, трактовок, версий, концепций, интерпретаций – стоит себе неколебимо на книжной полке.

Кстати, в спектакле «Сатириконе» неповрежденные фрагменты гоголевского текста сопровождаются одобрителем восклицанием: «Гоголь – гений!». И не поспоришь!

Но можно ли вложить весь этот клубок высказываний распадающейся современности в строгие рамки классического текста? Если печет желание уйти от «иносказаний» (а классика всегда – ино-сказание, предание старины глубокой) и напрямую обратиться к своему зрителю



«Р». Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

с наболевшим? Тогда остается из опорных блоков классического сюжета построить свой новый пространственно-временной континуум.

Кажется, это первый спектакль Бутусова, где текст важнее всего. Важнее света и пластики, музыки и «говорящих предметов». Каждую историю, каждый монолог, каждый спор, каждую реплику – втыкают в зрителя колючкой. Не отгородиться, не спрятаться.

Вот Хлестаков и Осип ждут разоренных поборами купцов, унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла... А на их месте, вместо толпы жалобщиков-горожан – длинный мартиролог расстрелянных в 1937-м «врагов народа»:

Семен Леонтьевич Марголин, 42 года, директор авиационного завода. Расстрелян 26 сентября.

Федор Иванович Залит, 36 лет, печатник издательства «Правда». Расстрелян 31 мая.

Ким Ван, 32 года, ассистент кафедры Института востоковедения имени Нариманова. Расстрелян 1 сентября.

Голос сверху неумолим, фамилии нескончаемы.

«Кто эти люди?», – кричит Хлестаков, – чего они просят? «Где унтер-офицерская вдова?». Об унтер-офицерской вдове с ее мольбами в сегодняшнем городе N остается только мечтать. Как и о патриархальной системе взятки в гоголевские времена. Теперь их собирают общим и

отправляют к «должностному лицу» избранного представителя. Кто-то благополучно упирается, а кто-то по робости увильнуть не может. Бедный выбранный Бобчинский – Ярослав Медведев, окоченев от страха, блеет Хлестакову об искреннем от всего сердца подношении и необходимости расписки. Иван Александрович денег не берет, расписку давать отказывается, нытье Бобчинского, что теперь ему не жить, пропускает мимо ушей. «Передайте там, в Петербурге, что живет такой Петр Иванович Бобчинский», – просит бедолага белым голосом, уходя куда-то в темноту. И очень скоро Городничий вскользь заметит, что Петр Иванович погиб со всем своим семейством. Пошел зимой к реке, вырезал лунку, в ней все и утопли... по неосторожности.

Жизнь в городе N по мере разворачивания сюжета все больше и больше напоминает путешествие покойников во время краш-тестов машин. Об этом отечественном способе рассказывают в самом начале спектакля: вместо кукол в испытываемые на прочность машины усаживают вымазанных красной краской покойников. «Все-таки покойники – нехорошо!», – раздумчиво замечает слушатель.

Мир города N несется на скорости куда-то в темноту. Тошнит от страха этой подступающей неизвестности и в пору лечь рядом с гигантской дохлой вороной (размером с кашалота), которая занимает весь левый угол сцены, и также поднять лапки кверху.

Хлестаков – Райкин смотрит на своих благодетелей круглыми глазами, в которых иногда поблескивают дьявольские огоньки. Его улыбка так простодушна, что не успеваешь проследить, как и когда она становится зловещей. Его покладистость так не наигранна, но шаг за шагом он подчиняет этот город своей воле. И вот уже кричит на Городничего: «А служить-то Вы готовы? Не за страх, а за совесть? Не слышу ответа?».

В финале на сцену идут и идут люди, которые садятся на принесенные стулья и смотрят в зал (в какой-то момент кажется, что их на сцене больше, чем нас в зрительских рядах). Стулья начинают качаться. Полетела... не то птица-тройка, не то машина, участвующая в краш-тесте.